

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія седьмой.

ФЕВРАЛЬ

№ 7.

1914.



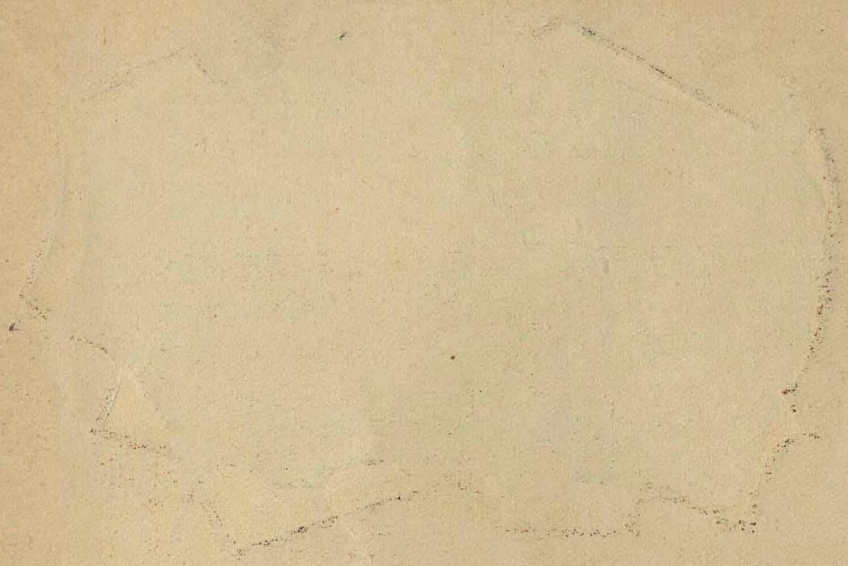
ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

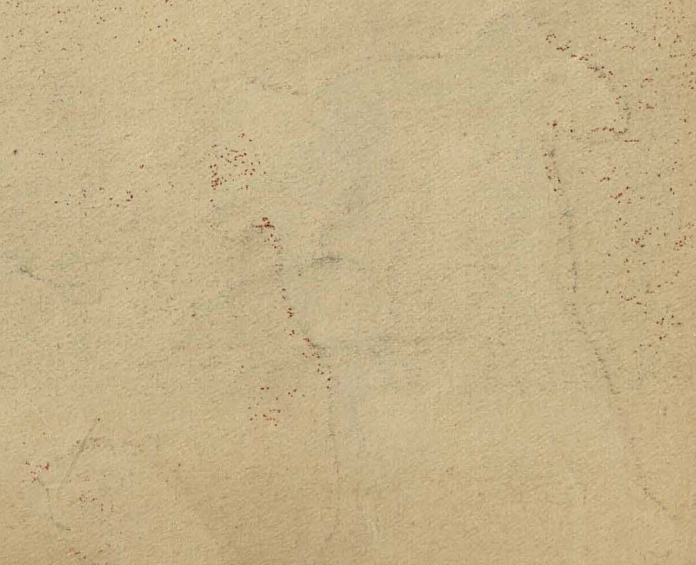


СОДЕРЖАНІЕ:

КОЕ ЧТО О ЖИВОТНЫХЪ.
ПЕРЕДЪ ВЕСНОЙ (стих.).
КЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ (повѣсть).
ФЕВРАЛЬ (стих.).
КОЗОЧКА.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.



1874 FEB 20



Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



... Собака брала въ зубы кошку, а кошка—мышь.

КОЕ-ЧТО О ЖИВОТНЫХЪ.

Если животное дѣлаетъ что-нибудь разумное не на основаніи своего личнаго опыта и не учась отъ другихъ, а бессознательно, то говорятъ, что оно дѣйствуетъ по инстинкту. Такъ, новорожденный ребенокъ сразу-же начинаетъ сосать грудь своей матери; онъ особымъ образомъ складываетъ для этого губы и языкъ и начинаетъ втягивать въ себя материнское молоко. Кто-же его этому научилъ? Никто! Муха кладетъ свои яички именно на такое мѣсто, гдѣ изъ нихъ скорѣе всего могутъ вылупиться личинки, напр. на мясо. Она вскорѣ-же умираетъ и совершенно не можетъ убѣдиться, хорошо-ли она поступила или дурно, положивъ яички именно на мясо, а не прямо на землю, а между тѣмъ положила ихъ именно на мясо. Значитъ, и ребенокъ при сосаніи, и муха при кладкѣ яичекъ дѣйствуютъ подѣ влияніемъ инстинкта. Но если животное дѣйствуетъ, на основаніи опыта или употребляя при этомъ какое-нибудь полезное орудіе, то это будетъ уже не инстинктъ, а разумъ. Такъ, плотникъ вбиваетъ гвозди молоткомъ потому, что онъ понялъ по опыту, что молотокъ въ этомъ случаѣ гораздо полезнѣе, чѣмъ голые пальцы. Слѣдовательно, вбиваніе гвоздей— есть дѣло разума, а не инстинкта.

Принято думать, что разуменъ одинъ только человекъ, а что всѣ насѣкомыя и животныя дѣйствуютъ подѣ влияніемъ инстинкта. Но это едва-ли такъ. Правда, громадное большинство низшихъ созданій, какъ напр. инфузоріи, черви, улитки и т. п. руководствуются исключительно однимъ только инстинктомъ; они живутъ точно во тьмѣ, точно слѣпые, влача полу-бессознательное существованіе; но для нѣкоторыхъ высшихъ насѣкомыхъ не чуждо проявленіе и разума. Такъ докторъ Пекхэмъ наблюдалъ слѣдующій случай: существуетъ особая порода осъ, которыя называются пустынницами; эти осы-пустынницы кладутъ свои яички прямо въ землю, въ высверленные ими дырочки, похожія на туннели; эти яички онѣ потомъ заваливаютъ въ туннеляхъ землей и такъ оставляютъ ихъ тамъ до весны, когда изъ нихъ выходятъ личинки. Чтобы яички находились въ безопасности, не могли быть съѣдены птицами или животными, и не промокли отъ осеннихъ дождей, оса-пустынница старается получше завалить ихъ землей. Наблюдая такое гнѣздо осы-пустынницы, докторъ Пекхэмъ замѣтилъ, что, желая получше спрятать свои яички, оса отламывала землю съ краевъ отверстія норки и бросала

ихъ внутрь. Когда земли не хватило, то она стала приносить ее издалека и всякій разъ влѣзала съ ней въ самую нору и тамъ старалась уложить ее поверхъ яичекъ возможно плотнѣе. Затѣмъ, когда норка была наполнена со-всѣмъ, оса взяла въ челюсти камень и стала утрамбовывать имъ землю, какъ молоткомъ. Когда земля была достаточно плотно вбита въ нору, оса снова принялась за стаскиваніе къ ней земли и снова взялась за свою трамбовку. Она не унялась до тѣхъ поръ, пока не сравняла окончательно нору съ землей и, довольная, что додумалась до трамбовки, съ торжествомъ улетѣла прочь. Всѣмъ живымъ существамъ дано отъ природы радоваться и въ тѣхъ или иныхъ движеніяхъ проявлять свои радость и довольство. Профессоръ Губертъ наблюдалъ, какъ въ одинъ ясный день муравьи собрались всѣ вмѣстѣ на своемъ гнѣздѣ и стали упражняться въ такихъ играхъ, которыя иначе и нельзя назвать, какъ спортомъ. Они вскакивали на заднія лапки и, обхвативъ другъ друга передними, начинали бороться, затѣмъ одинъ выпускалъ другого изъ своихъ объятий, позволялъ ему бѣжать и снова его догонялъ. Далѣе они играли другъ съ другомъ въ прятки. И когда кто-нибудь изъ нихъ оставался побѣдителемъ, то онъ собиралъ побѣжденных въ кружокъ,

разставлялъ ихъ, какъ кегли, и бросившись имъ подъ ноги, сшибалъ ихъ съ мѣста. Другой естествоиспытатель Форель, рассказывая объ играхъ тѣхъ-же муравьевъ, добавляетъ, что они такъ-же хитры въ своихъ играхъ и такъ-же изобрѣтательны, какъ и наши мальчишки.

Поэтому нечего удивляться и тому, что и нѣкоторыя птицы наконецъ догадались, что безъ употребленія хитрости кое-чего сдѣлать совершенно нельзя. Такъ напримеръ, самый обыкновенный дроздъ, чтобы облегчить свои труды, давно уже прибѣгаетъ къ употребленію хитрости и физической силы. Какъ извѣстно, эта птица очень любитъ лакомиться улитками. Но часто случается такъ, что скорлупа улитки бываетъ настолько тверда, что дроздъ не въ силахъ разбить ее своимъ клювомъ. Тогда онъ съ силой бросаетъ улитку о камень и она разлетается въ дребезги. Одинъ дроздъ пользовался для этого все однимъ и тѣмъ-же камнемъ изо дня въ день, такъ что отъ скорлупокъ вокругъ этого камня не было видно земли. Этого-же способъ употребляютъ и вороны, когда хотятъ полакомиться содержимымъ въ раковинахъ, выбрасываемыхъ моремъ на берегъ. Такъ какъ раковины всегда закрыты очень плотно, а скорлупа ихъ тверда настолько, что клювомъ ея не пробить, то вороны хватаютъ

ихъ въ лапки, взлетаютъ съ ними на значительную высоту и оттуда бросаютъ ихъ прямо на камни. Конечно, раковины при паденіи разбиваются на мелкіе кусочки и вороны лакомятся содержащимися въ нихъ слизняками. Такъ-же поступаютъ и чайки, такъ дѣйствуетъ и орель-ягнятникъ, когда хочетъ покусать мозга, содержащагося въ костяхъ обглоданнаго имъ ягненка. Онъ взлетаетъ съ костью на громадную высоту и затѣмъ бросаетъ ее оттуда на камни, чтобы она разбила. Конечно, всѣ эти дѣйствія дрозда, вóроновъ и орла не могутъ считаться проявленіемъ инстинкта. Это — настоящій разумъ, основанный на опытѣ. Слѣдовательно, и птицы бываютъ разумны.

Умъ слона вошелъ даже въ поговорку, поэтому неудивительно, что это животное уже издавна пользуется для своихъ цѣлей разными орудіями. Такъ, одинъ только-что пойманный слонъ былъ помѣщенъ во дворѣ, огороженномъ со всѣхъ сторонъ заборомъ, сдѣланнымъ изъ высокихъ, бамбуковыхъ жердей. Замѣтивъ, что люди ушли, онъ тотчасъ-же вытащилъ изъ изгороди одну трость, наступилъ на нее ногой, отломалъ отъ нея хоботомъ небольшой кусокъ, оцципалъ съ него листья и, взявши этотъ обломокъ въ хоботъ, просунулъ его между ногъ и сталъ чесать имъ правую подмышку. Когда

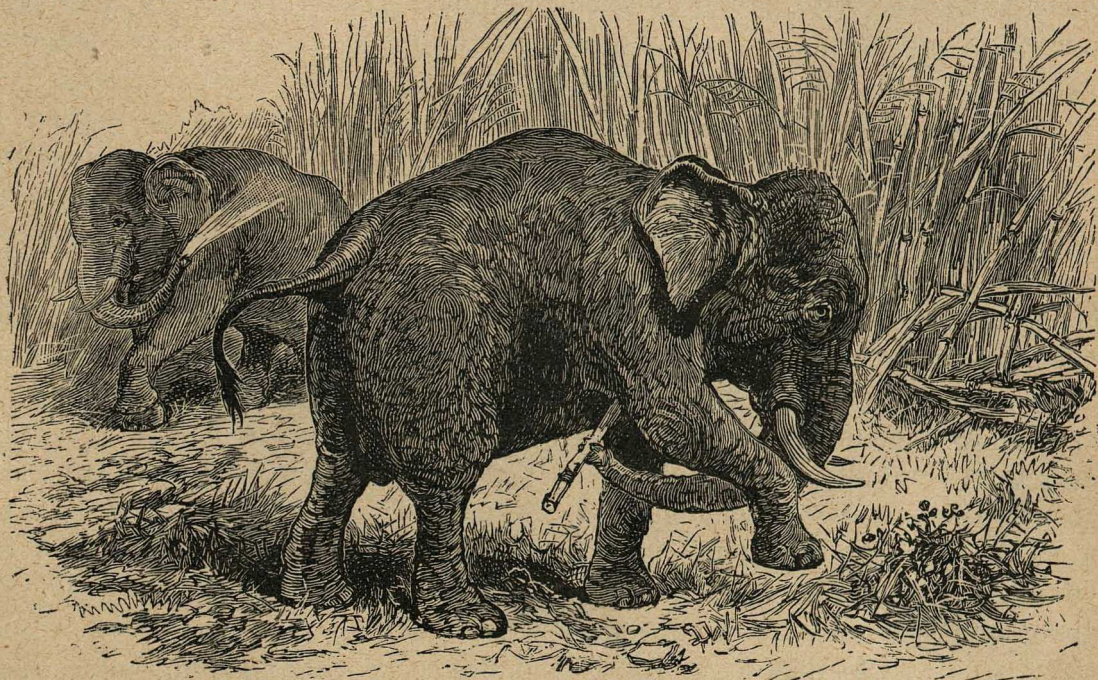
прибѣжавшій на этотъ случай человекъ заглянулъ къ слону подмышку, то онъ увидалъ тамъ громадную сколопендру въ шесть дюймовъ длиною и въ палецъ толщины, которая впила въ кожу бѣднаго животнаго. Отсюда ясно, что слонъ сообразилъ, что ему оставалось дѣлать: онъ не могъ достать до сколопендры хоботомъ и потому рѣшилъ воспользоваться для этого обломкомъ бамбука. А это уже прямо указываетъ не на инстинктъ, а на разумъ. Извѣстенъ и другой случай: прирученный слонъ шелъ однажды по дорогѣ и его сильно безпокоили мухи. Чтобы отогнать ихъ, онъ сорвалъ съ дерева длинную вѣтку, оцципалъ съ нея всѣ боковыя вѣтки и листья и оставилъ кисточку только на самомъ ея концѣ. Перекинувъ затѣмъ это опахало черезъ всю свою спину, онъ сталъ обмахиваться имъ и отгонять мухъ съ тѣхъ мѣстъ, до которыхъ не могъ достать хоботомъ. Но вскорѣ оказалось, что эта кисточка все-таки не дохватываетъ до его хвоста. Тогда онъ сорвалъ другую вѣтку необходимой величины, снова оцципалъ ее, и, довольный, сталъ ею обмахиваться со всѣхъ сторонъ.

Одна лошадь помѣщалась въ конюшнѣ, въ которой была плохо устроена дверь. Всякій разъ эта дверь растворялась сама собой. И стоило только лошади выйти изъ конюшни и отправиться на водо-

пой, какъ воспользовавшись ея отсутствіемъ, осель тотчасъ-же вѣгаль къ ней въ конюшню и съѣдалъ ея порцію овса. Тогда лошадь рѣшила прекратить это безчинство. Она нашла гдѣ-то обрубокъ палочки, похожій на гвоздь и, уходя изъ конюшни на водопой, стала

въ такомъ порядкѣ: собака брала въ зубы кошку, а кошка—мышь. Конечно, это лишній разъ говорить намъ объ умѣ животныхъ.

Остается упомянуть объ обезьянахъ, которыя, послѣ человѣка, представляютъ собою самыя разумныя существа. Объ ихъ умѣ



... Взявши обломокъ въ хоботъ, слонъ просунулъ его между ногъ и сталъ чесать имъ правую подмышку.

всякій разъ запираетъ дверь конюшни на задвижку и продѣваетъ въ ея кольцо этотъ гвоздь. Все это она дѣлала зубами.

Въ прошломъ номерѣ „Золотого Дѣтства“ было упомянуто о дружбѣ собаки кошки, и мыши. Всякій разъ, какъ въ столовой начинался обѣдъ, кошка всегда вспоминала о мыши, а собака о кошкѣ, и всѣ онѣ шли обѣдать всегда вмѣстѣ и

говорилось и писалось уже достаточно много, но здѣсь будетъ приведено только доказательство того, что и обезьяны употребляютъ въ своемъ быту различныя орудія, чтобы облегчить свой трудъ. Такъ знаменитый естествоиспытатель Дарвинъ рассказываетъ, что въ Лондонскомъ зоологическомъ саду была одна обезьяна, у которой отъ старости не было вовсе зу-

бовъ. Она очень любила орѣхи, но совершенно не была способна ихъ разгрызать. Тогда Дарвинъ бросилъ ей въ клѣтку камень. Она тотчасъ-же схватила его и спрятала его подъ солому, на которой обычно спала. Каково-же было его удивленіе, когда на слѣдующій день онъ увидѣлъ, что эта беззубая обезьяна раскалывала орѣхи уже камнемъ, какъ человѣкъ! Въ дикомъ состояніи обезьяны пользуются камнями и какъ орудіемъ защиты отъ враговъ. Естественный испытатель Бемъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ въ Абиссиніи цѣлое сраженіе обезьянъ. Одна партія обезьянъ паслась на полѣ и опустошала плантаціи кукурузы, которая другая партія давно уже считала своей собственностью. Началась драка. Первая партія сообразила, что ей слѣдовало дѣлать, быстро убѣжала съ поля на скалы, набрала побольше камней и снова возвратилась на мѣсто побоища. Камни засверкали въ воздухѣ. Нѣсколько обезьянъ противной партіи было ранено ими болѣе или менѣе серьезно и должно были выйти изъ строя. Побѣда осталась за артиллеристами. Конечно, обезьяны подняли при этомъ невообразимый гамъ и ревъ, такъ что выбѣжали люди и выгнали ихъ палками съ поля.

Но бываютъ въ жизни животныхъ такіе случаи, когда животное съ перваго взгляда кажется необыкновенно разумнымъ, употре-

бляетъ въ своей дѣятельности орудія и, повидимому, предвидитъ результатъ своей работы. Но оказывается, что оно дѣйствуетъ не въ силу разума, а просто подъ вліяніемъ инстинкта. Такъ, всѣмъ извѣстно, какія громадныя и замысловатыя постройки сооружаютъ бобры. Даже опытному мастеру все въ этихъ постройкахъ кажется предвидѣннымъ и принятымъ во вниманіе. Не даромъ-же принято называть бобровъ маленькими инженерами. А между тѣмъ въ своихъ постройкахъ бобры руководствуются исключительно не разумомъ, а инстинктомъ. Одинъ ученый взялъ къ себѣ маленькаго бобрѣка, когда тотъ былъ еще сосункомъ. Онъ воспиталъ его вдали отъ его родичей, такъ что бобрѣкъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ бобры возводятъ свои плотины и какъ пилятъ деревья и строятъ свои жилища. А между тѣмъ этотъ бобрѣкъ тотчасъ же принялся за постройки, какъ только выросъ и снова получилъ свободу. Онъ дѣлалъ ихъ такъ мастерски, точно выучился этому у своихъ родителей и участвовалъ въ постройкахъ уже не разъ. Отсюда ясно, какъ трудно иногда бываетъ опредѣлить, что именно сдѣлано животнымъ подъ вліяніемъ инстинкта и что оно выполнило подъ вліяніемъ разсудка. Для этого необходимы большой навыкъ и серьезное изученіе жизни животныхъ.

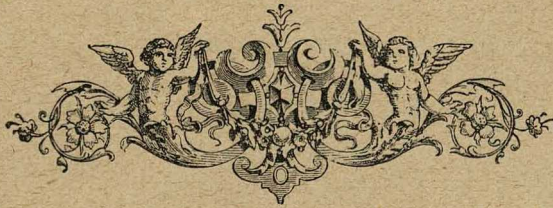


ПЕРЕДЪ ВЕСНОЙ.

Ручьи стремятся съ шумнымъ бѣ- Потомъ подснежники — цвѣточки
 гомъ, Въ травѣ проглянуть. Каждый
 Ужъ ярче солнышка лучи день
 И хоть поля еще подъ снѣгомъ, Все зеленѣе будутъ почки
 Но къ намъ летятъ уже грачи. И вдругъ начнетъ цвѣсти сирень.

А тамъ, когда въ парникъ И вотъ повсюду наступаетъ
 редиску Весна съ тепломъ, — и средь полей
 Начнутъ сажать и огурцы, Ужъ скотъ мычитъ, свирѣль
 Что будетъ пѣнія и писку, играетъ,
 Когда вернутся къ намъ скворцы! И гдѣ-то свищетъ соловей...

Кузнечикъ.



КЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ.

(Исторія мальчика).

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

VII. Неожиданная встрѣча.

Когда Сережа проснулся, то былъ уже полдень. Свѣтило яркое солнце и небо было совершенно безоблачное и голубое. Кое гдѣ на черепичныхъ крышахъ попадавшихся по пути построекъ лежалъ еще чистенькій снѣжокъ и по сторонамъ вагона то и дѣло возвышались горки. Ясно, что поѣздъ входилъ въ гористую мѣстность. Вдалекѣ, на горизонтѣ, тянулась высокая лиловая горная цѣпь и вѣчные снѣга на ней блестяли на солнцѣ, какъ алмазы. Сережа вскочилъ, протеръ глаза и оглядѣлся по сторонамъ.

— Гдѣ я? спросилъ онъ.

— А, проснулся? обратился къ нему дѣдушка Маруси и ласково погладилъ его по головѣ. — Ну, что, какъ? Какъ твое здоровье?

Сережа былъ совершенно здоровъ. Радость жизни послѣ перенесенныхъ волненій наполняла



Голубки.



Итальянчикъ.

его всего и онъ быстро одѣлся, привелъ себя въ порядокъ и снова повторилъ свой вопросъ:

— Гдѣ я?

Онъ зналъ, что это былъ тотъ самый старичокъ, который взошелъ на островъ Гернси къ нему на пароходъ и котораго онъ спасъ послѣ кораблекрушенія, но для него было совершенно странно и непонятно то, что онъ находился сейчасъ въ вагонѣ въ обществѣ этого самаго старичка и куда-то ѣхалъ. У него не было ни копѣйки денегъ, весь его багажъ заключался только въ томъ костюмчикѣ, который былъ на немъ, — а между тѣмъ онъ ѣхалъ въ первомъ классѣ и въ необыкновенно скоро идущемъ поѣздѣ. Вдалекѣ виднѣлись заходящія за облака горы; все, что съ Сережей произошло и происходило теперь, казалось ему то страннымъ, то интереснымъ сномъ.

Дѣдушка привлекъ его къ себѣ и обнялъ его за плечи.

— Мы ѣдемъ сейчасъ въ Швейцарію, ко мнѣ... сказалъ онъ. — Если у тебя въ Россіи нѣтъ никого родныхъ, то ты можешь остаться у меня совсѣмъ.

Дѣдушка сказалъ это такъ ласково и такимъ душевнымъ тономъ сталъ затѣмъ спрашивать Сережу обо всемъ, что мальчикъ сразу-же почувствовалъ къ старику какое-то родственное расположеніе и искренно и правдиво рассказалъ ему всю свою жизнь.

— Такъ, такъ... поддакивалъ дѣдушка, задумчиво покачивая головой.—Значить, ты круглый сирота? Значить, кромѣ тетюшки—Марфеньки у тебя нѣтъ близкихъ ни одной души?

Поѣздъ сталъ проскакивать сквозь туннели, горныя массы еще ближе придвинулись со всѣхъ сторонъ, а затѣмъ все какъ-то сразу раздвинулось, прояснилось и передъ нашими путниками сверкнуло прекрасное Женевское озеро.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали! сказалъ дѣдушка, когда поѣздъ остановился въ Женевѣ.—Теперь мы пересядемъ на пароходъ и часа черезъ три будемъ уже дома...

Они сѣли въ экипажъ, переѣхали на пристань и не прошло и получаса, какъ они уже плыли по лазурнымъ водамъ озера. Слѣва бѣлѣлись селенія и города, справа поднимались громадныя голубыя Альпійскія горы, а вдалекѣ сквозь легкую воздушную дымку чуть виднѣлась долина рѣки Роны.

— Видишь, вонъ-вонъ замокъ выступаетъ прямо изъ воды? обратился дѣдушка къ Сережѣ, когда они были уже недалеко отъ цѣли.— То Шильонскій замокъ. Невдалекѣ отъ него и наша дача... Мы пріѣдемъ прямо къ чаю...

А въ это время на дачѣ у дѣдушки готовили обѣдъ и чай. Дѣдушка еще наканунѣ прислалъ бабушкѣ и Марусѣ телеграмму, что возвращается домой, но чтобы

не обезпокоить ихъ, онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что чуть не погибъ въ морѣ и что ѣдетъ не одинъ.

„Послѣ узнаютъ сами... рѣшилъ онъ. — Что ихъ беспокоить? Пусть не подозрѣваютъ ничего!“.

Привыкшая уже чувствовать себя, какъ дома, и горячо привязавшаяся къ бабушкѣ, Маруся хлопотала изъ всѣхъ силъ. Она накрывала скатерть, разставляла приборы, раскладывала ложки и вилки, а ей еще нужно было приготовить для дѣдушки вкусный соусъ, который онъ такъ любилъ. Солнце уже склонялось къ горамъ, черезъ какіе-нибудь полчаса долженъ былъ уже придти пароходъ, а у нея еще не было ничего готово. Бабушка сама суетилась въ кухнѣ и дѣлала вареники съ творогомъ, до которыхъ дѣдушка былъ такой охотникъ. Обѣ въ передникахъ и розовыя отъ волненія, онъ то и дѣло выбѣгали на балконъ и поглядывали на озеро, не виднѣтся-ли пароходъ. Дѣдушка находился въ отсутствіи всего только четыре дня, но для бабушки и Маруси это была цѣлая вѣчность. Къ тому же рѣзко перемѣнилась погода, стало вдругъ тепло и снѣгъ сошелъ въ какіе-нибудь два дня. Стоило-ли уѣзжать такъ далеко отъ дома? Не лучше ли вовсе отмѣнить поѣздку на островъ Гернси, прожить здѣсь въ Швейцаріи до

лѣта, а затѣмъ уже навсегда перѣхать въ дорогую Россію?

И бабушкѣ уже казалось, что она не поѣдетъ отсюда никуда до самаго лѣта, и было жаль дѣдушку, которому пришлось четверо сутокъ пробить въ дорогѣ изъ-за пустяковъ.

— А ты приготовила для дѣдушки халатъ и туфли? обратилась она къ Марусѣ.

— Да, да, отвѣчала Маруся. — Прикажи, бабушка, въ его комнатѣ затопить каминъ!

И пока онъ такъ суетились и хлопотали, вдругъ показался на озерѣ дымокъ: это приближался уже пароходъ.

— Ёдетъ! Ёдетъ! внѣ себя отъ отъ радости воскликнула Маруся и запрыгала на мѣстѣ. — Дѣдушка ѣдетъ!

Она, бабушка и мадмуазель вышли на террасу и стали поджидать. Пароходъ подходилъ все ближе и ближе, сдѣлалъ поворотъ и наконецъ присталъ къ берегу. За крышей дачи, находившейся внизу, его не стало видно, но онъ знали, онъ чувствовали, что онъ привалилъ уже къ пристани и что не пройдетъ и десяти минутъ, какъ изъ-за угла покажется экипажъ и въ немъ ненаглядный дѣдушка, котораго онъ такъ нетерпѣливо ждуть.

Но вотъ проходятъ эти десять минутъ, слышится стукъ колесъ по шоссе и за угла дѣйствительно

выѣзжаетъ экипажъ. Бабушка и Маруся начинаютъ издали махать ему платками.

— Дѣдушка! Дѣдушка! кричитъ Маруся и не можетъ устоять на одномъ мѣстѣ; и ей хочется побѣжать къ нему на встрѣчу, вскочить къ нему въ экипажъ и подѣхать къ крыльцу уже вмѣстѣ съ нимъ.

Дѣдушка подѣзжаетъ къ калиткѣ и грузно выѣзжаетъ изъ экипажа. Дамы все еще стоятъ на террасѣ и машутъ ему платками. Если-бы не было сыро отъ растаявшаго снѣга, то онѣ побѣжали-бы къ нему на встрѣчу. Онъ идетъ къ нимъ отъ калитки и въ свою очередь машетъ имъ шляпой.

Но кто это идетъ позади него? Какой это мальчикъ слѣдуетъ за нимъ и отъ неловкости скромно опускаетъ глаза? Должно быть, это носильщикъ съ пристани! Но нѣтъ! Это какой-то маленькій морячекъ съ загорѣвшимъ до смуглости лицомъ. Онъ тоже снялъ свою фуражку и конфузливо мнетъ ее въ рукахъ.

— А вотъ и я! говоритъ дѣдушка и прижимаетъ къ себѣ Марусю. — Ну, здравствуй, Маруся, какъ жили безъ меня?

Маруся бросается къ нему на шею и долго и горячо его цѣлуетъ. Отъ холодной щеки дѣдушки пахнетъ свѣжимъ воздухомъ. Она прижимается къ ней своей пылающей щекою и чувствуетъ, какъ ей становится прохладно.

Затѣмъ все входятъ въ домъ. Мальчикъ стыдливо слѣдуетъ за ними.

— А это кто? спрашиваетъ бабушка.—Чей это мальчикъ?

Дѣдушка беретъ Сережу за руку и подводитъ его къ бабушкѣ.

— Это—мой спаситель... говоритъ онъ.—Я утопалъ—и онъ вынесъ меня на берегъ... Я ему обязанъ всеѣмъ.

Бабушка чувствуетъ, какъ при этихъ словахъ у ней замираетъ сердце. Но веселый бодрый видъ дѣдушки заставляетъ ее усомниться въ томъ, что онъ сказалъ, и она подходитъ къ мальчику, ласково поднимаетъ его лицо за подбородокъ и спрашиваетъ уже его:

— Какъ тебя зовутъ?

Но въ это время, въ неописуемомъ волненіи и не вѣря своимъ глазамъ, къ мальчику подбѣгаетъ Маруся и начинаетъ кричать:—

— Сережа! Сережа!! Мой милый Сережа! Неужели это ты?

Она бросается къ нему, оцупываетъ его, точно стараясь убедиться, что это дѣйствительно не сонъ, а затѣмъ раздражается громкими счастливыми слезами и все еще продолжаетъ кричать: — Сережа! Сережа!!

Онъ тоже въ удивленіи протираетъ глаза, лицо его озаряется счастливымъ выраженіемъ, онъ чувствуетъ, какъ что-то подкатываетъ ему комомъ къ горлу, какъ слезы брызгаютъ у него изъ глазъ,

хочетъ говорить, но голосъ измѣняетъ ему, онъ хочетъ сдѣлать шагъ впередъ, чтобы быть къ Марусѣ поближе, но ноги не слушаются его, и онъ только чуть слышно повторяетъ:

— Марусенька!.. Маруся!.. Господи!.. Да неужели же это ты?

А затѣмъ, какъ только проходить первый острый порывъ радости, они хватаютъ другъ друга за руки и, позабывъ всѣхъ и обо всемъ и громко взвизгнувъ отъ счастья, выбѣгаютъ въ садъ. Бабушка и дѣдушка въ недоумѣніи смотрятъ имъ вслѣдъ, а затѣмъ дѣдушка усаживаетъ бабушку въ кресло и начинаетъ рассказывать ей обо всемъ... Бабушка слушаетъ, ужасается, всплескиваетъ руками, а на столѣ давно уже стынетъ супъ и въ кухнѣ давно уже слиплись вареники и сметана откинулась масломъ и водой.

А затѣмъ, наплакавшись до сыта и наужасавшись, бабушка выходитъ на террасу и начинаетъ звать дѣтей.

— Маруся! Сережа! кричитъ она. — Идите обѣдать! Уже пора!

Но дѣтямъ еще о многомъ нужно переговорить, они еще не рассказали другъ другу и сотой доли того, что у нихъ накопилось на душѣ, и они весело и задорно отвѣчаютъ: —

— Мы не хотимъ! Мы сыты! Мы не желаемъ ничего!

А потомъ выходитъ на террасу

мадмуазель и тоже въ свою очередь кричитъ:

— Маруся, надѣнь калоши! Ты промочишь себѣ ноги! Захвораешь!

Но дѣти заняты своимъ разговоромъ, не слышатъ ея, и имъ кажется, что эти горы, на которыхъ уже начинаютъ хмуриться вечернія облака, это прекрасное озеро и этотъ садъ созданы только для нихъ однихъ и что все то, что они переживаютъ теперь, составляетъ собою очаровательный сонъ, отъ котораго имъ не хотѣлось, да и не хватало силъ проснуться. Это былъ счастливый до сказочности день, это была волшебная сказка, полная прелести и чудесъ, и то, что рассказывалъ Сережа Марусѣ о себѣ, казалось ей полнымъ значительности и интереса и ей какъ-то не вѣрилось, что это былъ тотъ самый мальчикъ, котораго она когда-то сама-же учила читать и писать.

А затѣмъ они вернулись домой. Ихъ все еще ожидалъ обѣдъ, но они были сыты по горло и безъ ѣды, и не могли ничего ѣсть. Наговорившись до сыта, они стали потомъ смѣяться безъ причины. Зажглись кругомъ огоньки, спустилась ночь, а въ бѣленькомъ домѣ дѣдушки и бабушки все еще продолжались разпросы и разговоры, прерываемые иногда безпричиннымъ, счастливымъ смѣхомъ Маруси и Сережи.

— Ну, дѣтки, а теперь пора и спать! сказалъ наконецъ дѣдушка, когда часы предательски пробили одиннадцать.

Ему и самому уже хотѣлось отдохнуть отъ многотруднаго пути и протянуть ноги на чистой, просторной постели. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ онъ укроется сейчасъ по шею одѣяломъ и заснетъ крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ!

Стали прощаться. Маруся по обычаю подошла къ дѣдушкѣ и бабушкѣ подѣ благословеніе. Сережа стоялъ позади нея и не зналъ, что ему дѣлать.

— Ну, подходи, Сережа, и ты! сказалъ ему дѣдушка.—Теперь ты мой, и я не отдамъ тебя никому!

Онъ благословилъ и Сережу. Мальчикъ поцѣловалъ ему руку и поцѣловалъ его въ губы и вдругъ всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, что онъ здѣсь свой и что эти старички дѣйствительно не отдадутъ его никому. И полный радостныхъ надеждъ и счастья тихаго пристанища, онъ пошелъ въ отведенный ему за ширмочкой уголокъ и сталъ горячо и сладко молиться.

Въ тотъ же вечеръ было рѣшено, что всѣ проживутъ въ Швейцаріи только до весны, а затѣмъ въ маѣ переѣдутъ на постоянное жительство въ Россію. Пора уже была отдавать Марусю въ гимназію учиться, да и Сережу нужно было тоже не оставить безъ ученія. И старички

рѣшили такъ: они наймутъ гдѣ-нибудь на лѣто въ Малюроссіи хуторокъ и проживутъ въ немъ все лѣто до самой осени, а осенью всей семьей переѣдутъ въ Петербургъ.

— Знаете, что? вдругъ обрадовался Сережа, узнавъ наслѣдующее утро объ этомъ рѣшеніи.—Поѣдемте къ моей тетушкѣ—Марфенькѣ! У нея есть свой хуторъ въ Малюроссіи и она намъ будетъ очень рада!

Въ тотъ-же день Сережа написалъ къ тетушкѣ Марфенькѣ письмо и отправилъ его въ Россію.

Прошло пять мѣсяцевъ. Тетушка-Марфенька, сильно состарившаяся за это время, сидѣла по прежнему на порожкѣ своего флигелька, вязала чулокъ и припоминала то уже дальнее время, когда Сережа жилъ у нея на хуторѣ и бѣгалъ по ея саду. Вотъ уже третій мѣсяцъ пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ она получила отъ него послѣднее письмо. Что съ нимъ? Гдѣ онъ теперь? Приѣдутъ ли онъ и его неизвѣстные благодѣтели къ ней на хуторъ, какъ объ этомъ когда-то писалъ ей Сережа? Всѣ его письма промелькнули у нея въ головѣ. Сперва ей пришелъ на память тотъ бурный вечеръ, когда она въ послѣдній разъ простилась съ Сережей въ Одессѣ, потомъ ея возвращеніе на хуторъ, а потомъ неописанная радость при полученіи перваго Сережинаго письма... И она за-

думалась о племянникѣ. Живъ-ли онъ? Здоровъ-ли? Какъ-то получила она письмо и отъ своего брата Семена Петровича изъ Одессы. Въ очень осторожныхъ, трогательныхъ выраженіяхъ онъ общалъ ей, что пароходъ „Дельфинъ“, на которомъ находился Сережа, погибъ у береговъ Франціи, что вѣроятно вмѣстѣ съ нимъ погибъ и Сережа,—да будетъ на все воля Божья,—но она уже знала изъ письма самого Сережи, что онъ живъ и находится у добрыхъ людей въ Швейцаріи, которые пріютили его у себя, какъ родного внука.

И вотъ тетушка Марфенька сидѣла теперь на крылечкѣ, думала и прислушивалась къ крику перепеловъ, перекликавшихся въ пшеницѣ. И вдругъ что-то странное, совсѣмъ не похожее на этотъ крикъ, долетѣло до нея со степи.

„Сказать-бы, колокольчики...“ подумала она,—„да нѣтъ... У насъ съ колокольчиками никто не ѣздитъ... Что-же это такое?“

Тетушка Марфа Петровна притаила дыханіе и стала прислушиваться. Дѣйствительно, то былъ колокольчикъ. Его звуки то замирали гдѣ-то въ степи, то врывались въ хуторъ и, отдаваясь потомъ за рѣкой, замирали снова.

— Господи!.. вскрикнула Марфа Петровна и бросилась къ воротамъ.—Никакъ это къ намъ! Ахъ,

батюшки! Люди! Марина! Филиппъ, Юхимъ, гдѣ вы?

Она совсѣмъ растерялась, схватилась за сердце и снова побѣжала на крыльцо. А колокольчикъ заливался все громче и громче, все ближе и ближе раздавался его звонъ и наконецъ тройка лошадей, волоча за собой цѣлое облако пыли, съ шикомъ вѣхала во дворъ и остановилась у крыльца.

Два человекъ, одинъ уже сѣдой, а другой молоденькій, одѣтый въ морскую форму, оба сильно запыленные, выскочили изъ коляски и бросились къ старушкѣ. У тетушки Марфы Петровны отнялись руки и ноги. Она склонилась у косяка и слезы градомъ полились у нея по щекамъ.

— Сереженька... Ангелъ мой!.. залепетала она.

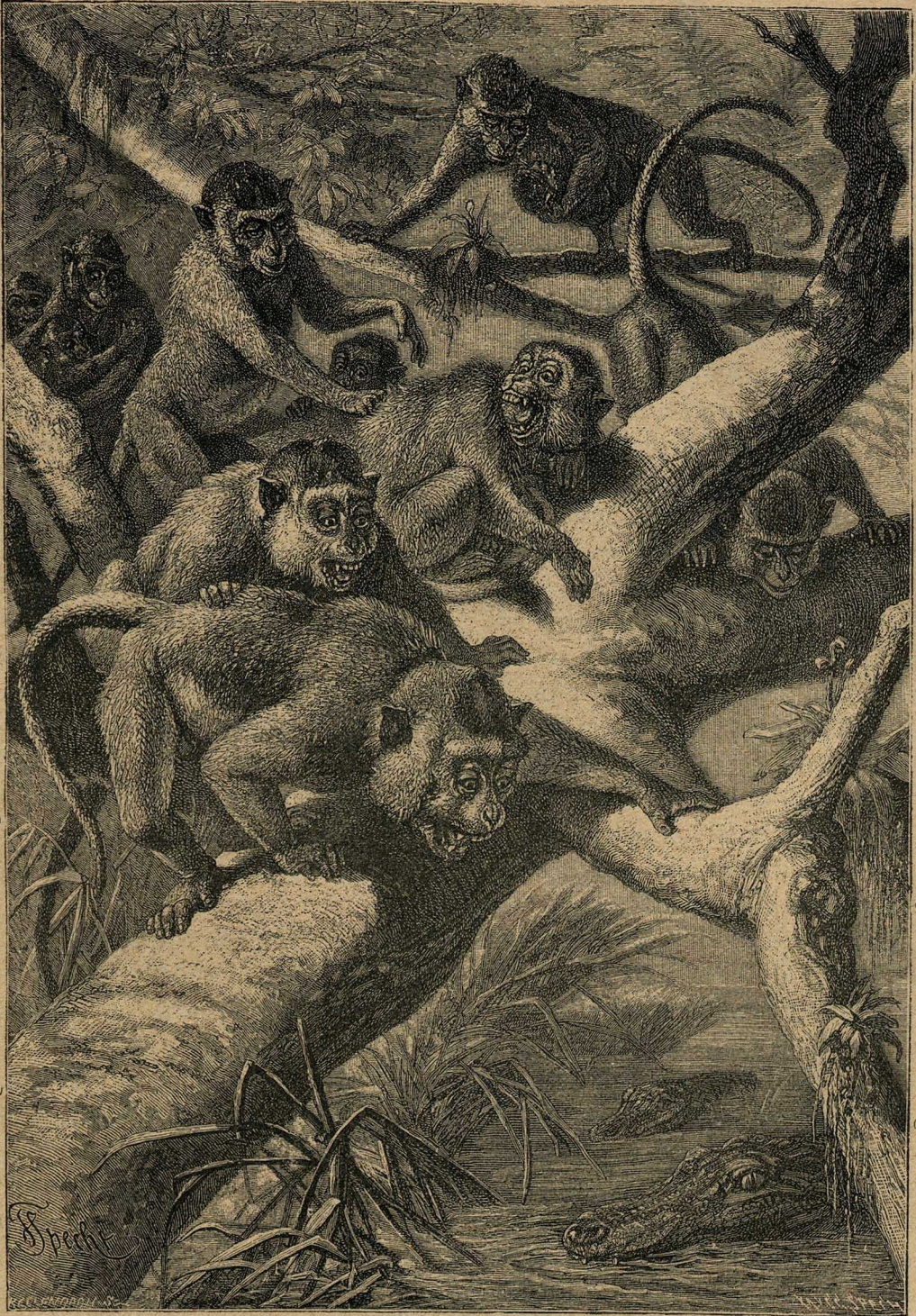
Сережа бросился къ ней на шею, сталъ ее обнимать, она прижала его къ сердцу, плакала и не вѣрила своему счастью. А дѣдушка стоялъ тутъ-же и, желая замаять навернувшіяся слезы, сморкался въ платокъ.

— Дорогіе мои, милые мои! взвизгнула она наконецъ.—Да какими-же судьбами?

— Да вотъ Сережа спасъ меня въ морѣ и я оставилъ его у себя навсегда, отвѣтилъ ей дѣдушка.— Хстимъ прожить лѣто у васъ!.. Ужъ вы не гоните насъ, милая Марфа Петровна, а пріютите насъ въ вашемъ миломъ хуторкѣ...



Въ Закавказьѣ.



Марышки.

Въ это время во дворъ вѣхала вторая тройка и изъ нея сначала выскочила Маруся, а затѣмъ вылѣзли бабушка и мадмуазель Амели. Увидѣвъ Марусю, Марфа Петровна всплеснула руками и отъ волненія еле удержалась на ногахъ.

— Голубушка моя!.. воскликнула она.—Красавица моя!.. Ангель небесный!..

Она не хотѣла и не смѣла вѣрить своему счастью. Маруся узнала въ ней тетю Сережи, бросилась къ ней на шею и стала цѣловать ея старческія морщинистыя щеки, еще мокрыя отъ слезъ.

— А каковъ нашъ морячекъ? продолжалъ дѣдушка.—А? Одно слово—адмиралъ! Осенью повезу его въ Петербургъ и отдамъ въ Морской Корпусъ... И выйдетъ изъ него герой!

А Сережа бросился въ комнаты, выбѣжалъ въ садъ, снова вбѣжалъ въ домъ, снова выбѣжалъ изъ него на дворъ и отъ радости просто обезумѣлъ.

— Какъ здѣсь хорошо! воскликнулъ онъ.—Сколько цвѣтовъ! Какой воздухъ! Наконецъ-то я у себя, въ нашемъ миломъ полтавскомъ хуторкѣ!

Тетушка-Марфенька тоже обезумѣла отъ радости: она бросалась то къ Марусѣ, то къ ея дѣдушкѣ и бабушкѣ, то къ шкафу съ чайной посудой, то разыскивала какъ нарочно пропавшую куда-то ска-

терть. Она сознавала, что первымъ дѣломъ нужно было дать гостямъ поѣсть, но память совершенно измѣнила ей: рѣшительно она позабыла, гдѣ что лежитъ. Съ грѣхомъ пополамъ столъ былъ накрытъ кухаркой Мариной, гости усѣлись за него, а тетушка Марфа Петровна сѣла поодаль и никакъ не могла оторвать глазъ отъ загорѣвшаго, возмужалого лица Сергѣя.

Насталъ вечеръ, тихій, нѣжный и ароматный. Отъ рѣки потянуло прохладой, отъ сада повѣяло акаціей и сиренью и гдѣ-то въ кустахъ защелкалъ соловей. Усталые дѣдушка и бабушка скоро задремали, а Сережа, Маруся и тетушка Марфенька еще долго сидѣли въ саду и никакъ не могли наговориться послѣ долгой, томительной разлуки. А когда спустилась ночь и звѣзды одна за другой зажглись на небѣ, они взошли на покосившійся балконъ и стали смотрѣть на темныя деревья.

— Какъ здѣсь хорошо! Какая ночь! сказалъ Сережа.—Кажется, весь вѣкъ просидѣлъ-бы здѣсь на балконѣ и нюхалъ-бы цвѣты!

— Да, Сереженька, промолвила Марфа Петровна въ отвѣтъ,—хорошо здѣсь у насъ! И все это принадлежитъ тебѣ, только для тебя одного я сберегла здѣсь все до послѣдняго пустяка и только для тебя одного старалась скопить лишнюю копейку, что-бы поддержать въ порядкѣ этотъ хуторокъ.

Возьми-же его себѣ и владѣй имъ на здоровье!

Нужно-ли говорить, что было потомъ? Стоитъ-ли повторять то, что для читателя уже ясно само по себѣ? Прошло лѣто, наступила осень и дѣдушка съ бабушкой, захвативъ съ собою Марусю, Сережу и мадмуазель, отправились въ Петербургъ. Тамъ Маруся поступила въ гимназію, а Сережа въ Морской Корпусъ. Каждую субботу и каждый праздникъ Сережа приходилъ въ отпускъ домой и это было самымъ счастливымъ временемъ для стариковъ. А когда наступало лѣто, то всѣ отправля-

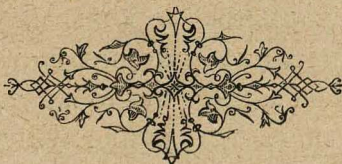
лись къ тетущкѣ-Марфенькѣ на хуторъ и жили тамъ до сентября. Тетущка-Марфенька не могла наглядѣться на Сережу и Марусю и всякій разъ какъ оставалась одна, поглядывала украдкой на образъ и набожно крестилась.

— Слава Богу! говорила она.— Да будетъ Его святая воля во всемъ!

А на дворѣ въ это время распѣвали птицы, кричали на рѣкѣ лягушки, пѣли въ сирени соловьи изъ сада доносился веселый, счастливый, безпричинный смѣхъ Маруси и Сергѣя... Они были молоды и здоровы и жизнь открывалась передъ ними впереди...

М. Б—скій.

КОНЕЦЪ.



ФЕВРАЛЬ.

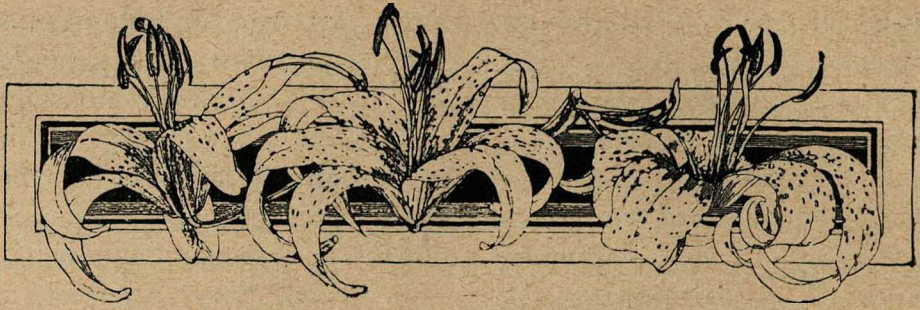
Февраль... То снѣгъ, то дождь идетъ,
Стуча, какъ плетками, о стекла,
То вдругъ морозъ и крѣпкій ледъ,
А то вдругъ грязь и все промокло.

Бываетъ такъ, что вѣтеръ грозно
Поетъ въ трубѣ порой ночной
И хоть еще совсѣмъ морозно,
А все-же вѣтъ ужъ весной!

Такъ ярко вдругъ засвѣтитъ солнце,
Такой проглянетъ ясный день,
Что такъ и глянуль-бы въ оконце,
И такъ и нюхаль-бы сирень!

Ирисъ.





КОЗОЧКА.

У Наташи и Вани была всего только одна игрушка. Это была живая козочка Милка. Козы очень привязчивы и переимчивы и потому, куда-бы ни шли Наташа и Ваня, Милка всюду слѣдовала за ними и по первому-же ихъ требованію дѣлала разныя штуки: она становилась на переднія колѣнки и отвѣшивала низкій поклонъ, умѣла ходить на заднихъ ножкахъ, и когда дѣти играли съ нею въ прятки, то она отлично ихъ отыскивала и съ торжествомъ отводила къ условленному мѣсту. Дѣти не разставались съ нею и проводили съ нею не только дни, но даже и ночи: они спали всѣ втроемъ.

Однажды Наташа и Ваня пошли въ лѣсъ. Онъ находился далеко отъ ихъ деревни и на этотъ разъ они не взяли съ собою Милку и отправились одни. Милка выскочила изъ сѣней и догнала ихъ. Они прогнали ее и послали ее обратно домой. Она пошла. Въ полной увѣренности, что она уже дома, дѣти отправились далѣе. Ко-

зочка-же снова побѣжала за ними, скоро сбилась съ пути и, не найдя дороги домой, съ жалобнымъ блеяньемъ легла въ канавку подъ чьимъ-то заборомъ.

Невдалекѣ находился хуторъ богатаго мужика Ефима. — Это былъ скорнякъ, торговавшій бараньими и козьими мѣхами и умѣвшій ихъ подкрашивать. Онъ самъ имѣлъ стадо козъ, но всѣ онѣ были гораздо худшей породы, чѣмъ Милка, у которой была длинная, мягкая, бѣлоснѣжная шерсть. Ефима никто кругомъ не любилъ: это былъ жадный, несправедливый человекъ, обожавшій деньги и ради нихъ готовый на плохой поступокъ.

Въ это утро онъ возвращался домой съ базара. Пропустивъ мимо себя Наташу и Ваню, онъ уже сталъ подъѣзжать къ своему хутору, какъ вдругъ услышалъ жалобное блеянье козы. Онъ остановилъ лошадь, прислушался и вдругъ увидаль у себя подъ заборомъ Милку.

— Вотъ такъ коза! радостно

воскликнулъ онъ. — Шерсть - то, шерсть какая! И бѣлая, какъ снѣгъ!

Онъ, подошелъ къ Милкѣ взялъ ее на руки, связалъ ей мочалкой ноги, уложилъ ее въ телѣгу и повезъ ее къ себѣ домой.

— Славный будетъ подарокъ женѣ! мечталъ онъ.

Но онъ зналъ, что коза была чужая и что ее могли хватиться другіе. Приѣхавъ домой, онъ тотчасъ же отнесъ козочку въ сарайчикъ и громко позвалъ:

— Васька! Васька!

Маленькій, худощавый мальчикъ выбѣжалъ къ нему.

— Я здѣсь, хозяйинъ, отвѣтилъ онъ.

— Неси скорѣе ножницы, приказалъ ему Ефимъ, — и краску, которой мы подкрашиваемъ мѣха!

Мальчикъ тотчасъ-же сбѣгалъ за ножницами и принесъ горшокъ съ черной краской. Ефимъ остригъ Милку чуть не до самой кожи, бережно сложилъ и завязалъ въ тряпку ея бѣлоснѣжную шерсть, а саму Милку выкрасилъ въ черный цвѣтъ.

— Теперь ея не узнаетъ никто... проговорилъ онъ съ довольной улыбкой. — Теперь она будетъ моей.

И обратившись къ мальчику, онъ строго сказалъ:

— Чтобъ объ этомъ не зналъ никто! Слышишь? А не то выдеру тебя на смерть!

Васька былъ мальчикъ безродный, жилъ у Ефима изъ милости и боялся его. Онъ опустилъ глаза и покорно отвѣтилъ:

— Хорошо...

Затѣмъ Ефимъ отправился къ женѣ.

— Вотъ тебѣ подарочекъ... сказала она, протягивая ей Милкину шерсть. — Не шерсть, а пухъ... Можешь связать изъ нея, что захочешь...

Прошло нѣсколько времени. Наташа и Ваня хватились своей Милки, долго искали ее, — не нашли и стали плакать. Наплакавшись досыта, они пошли вдоль дороги.

— Милка! Милка! звали они.

Но козочка не отзывалась.

Ефимъ стоялъ у себя среди двора и считалъ куръ и индюшекъ, которыя толпились у корытца съ ѣдой, когда вошли къ нему Наташа и Ваня. Робкіе, заплаканные, боясь поднять глаза, они подошли къ нему и въ первую минуту отъ волненія не могли произнести ни одного слова.

— Чего вамъ? крикнулъ на нихъ Ефимъ.

— Милый дяденька, начала наконецъ Наташа, — вы не видали нашей козочки? Она бѣжала за нами по дорогѣ и вдругъ пропала... Быть можетъ, она какъ-нибудь забѣжала къ вамъ...

Ефимъ нахмурился.

Мальчикъ съ мольбою поглядѣлъ на него и заплакалъ.

— Она потерялась у насъ сегодня.. пролепеталъ онъ.

— А мнѣ до этого какое дѣло? грубо отвѣтили дѣтямъ Ефимъ.

Что-то подсказывало имъ, что козочка должна была находиться именно здѣсь, какой-то тайный голосъ говорилъ дѣтямъ, что больше ей быть не у кого, и негдѣ, и они стали Ефима умолять.

— Она отстала отъ насъ около вашего хутора, говорила Наташа.— Мы потеряли ее какъ разъ въ то время, когда проходили, дяденька, мимо вашего огорода... Сдѣлайте такую милость, скажите намъ, не забѣжала-ли она какъ-нибудь случайно къ вамъ?

— Нѣтъ!

Дѣти заплакали. Ефиму не понравились ихъ слезы. Грубый, часто несправедливый, онъ не выносилъ ничьихъ слезъ и всякій разъ старался поскорѣе отдѣлаться отъ надоедавшихъ ему просителей.

— Уходите! уходите! крикнулъ онъ на дѣтей.— Нѣтъ у меня вашей козы! Уходите отсюда прочь!

Мальчикъ закрылъ руками лицо. Послышались рыданія.

— Боже мой, что-же теперь дѣлать? воскликнула Наташа.— Ужъ скоро вечеръ, а мы все еще ее не нашли!

— Уходите-же, говорятъ вамъ! снова крикнулъ Ефимъ.— Экіе бродяги, прости Господи! Шатаются, какъ нищіе со двора на дворъ!

И онъ взялъ ихъ за плечи, по-

вернулъ обратно къ воротамъ и выпроводилъ ихъ со двора.

Усталые, лишившіеся послѣдней надежды, Наташа и Ваня отошли немного въ сторону, сѣли у канавки и, уже не плача и ни на что не жалуясь, долго просидѣли молча и, не мигая, глядѣли въ пространство. Заходило солнце, шло съ поля стадо и поднятая имъ пыль еще долго туманомъ висѣла въ воздухѣ. Запахло парнымъ молокомъ и вечернія тѣни стали ложиться на траву и все росло и росло по мѣрѣ того, какъ солнце приближалось къ закату. И вдругъ кто-то незамѣтно подошелъ къ дѣтямъ и пугливо дернулъ Наташу за рукавъ. Дѣвочка вздрогнула и обернулась. Это былъ маленькій Васька. Оглядываясь по сторонамъ и боясь, какъ бы его не замѣтилъ хозяинъ, онъ склонился прямо къ уху Наташи и тихо сказалъ:

— Не бойтесь... Я знаю все.— Ваша коза у насъ... Мой хозяинъ остригъ ее и выкрасилъ въ черную краску...

И порывшись въ карманъ, онъ досталъ изъ него кусокъ хлѣба и протянулъ его къ дѣтямъ.

— Вотъ вамъ... Возьмите... продолжалъ онъ.— Поѣшьте на здоровье!

Въ эту минуту изъ хутора слышался голосъ:

— Васька! Васька, гдѣ ты? Иди сюда скорѣй!

Мальчикъ вздрогнулъ, испугался

и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать на зовъ. Добѣжавъ до забора, онъ перелѣзъ черезъ него и, какъ ни въ чемъ не бывало, явился къ своему хозяину и, получивъ отъ него какое-то приказаніе, тотчасъ же отправился въ сарай. Опустивъ головки, Наташа и Ваня побрели домой. Они не спали всю ночь. Едва только они закрывали глаза, какъ ихъ воображенію представлялись булатные ножи и кипучіе котлы и ихъ козочка Милка, которую хотѣли зарѣзать и сварить въ этихъ котлахъ. Они вздрагивали и тотчасъ-же пробуждались.

Утромъ они долго совѣщались, какъ имъ быть. Теперь они точно знали, что ихъ козочка была у Ефима; но что они, маленькія дѣти, могли сдѣлать съ богатымъ, несправедливымъ мужикомъ? Если бы они отправились къ нему и сейчасъ, то все равно онъ прогналъ-бы ихъ со двора, а, можетъ быть, даже и побилъ-бы. Но тоска по четвероногомъ другѣ, желаніе видѣть его во что-бы то ни стало пересилило ихъ страхъ и они снова отправились на хуторъ.

Было раннее утро. Еще не обсохшая роса алмазными каплями блистала на травѣ, высоко въ небѣ радостно пѣлъ жаворонокъ и въ поляхъ ржи уже стучали перепела. Кругомъ было такъ весело, такъ прекрасно, что хотѣлось радоваться и самому, но у дѣтей камнемъ лежало на сердцѣ ихъ горе и они

шли и не замѣчали вокругъ себя ничего.

И вдругъ послышался колокольчикъ. Кто-то важный, въ фуражкѣ съ кокардой и съ писаремъ сбоку, ѣхалъ на тройкѣ прямо дѣтямъ на встрѣчу. Добравъ до хутора Ефима, тройка остановилась у колдца, съ козелъ слѣзъ ямщикъ, зачерпнулъ ведркомъ воды и сталъ поить лошадей. Выбѣжалъ Васька и съ пугливымъ выраженіемъ лица почтительно поклонился господину. Вышелъ и Ефимъ и тоже сталъ часто и низко кланяться и приглашать гостя къ себѣ.

Въ это время Наташа и Ваня подошли близко и стали въ сторонкѣ.

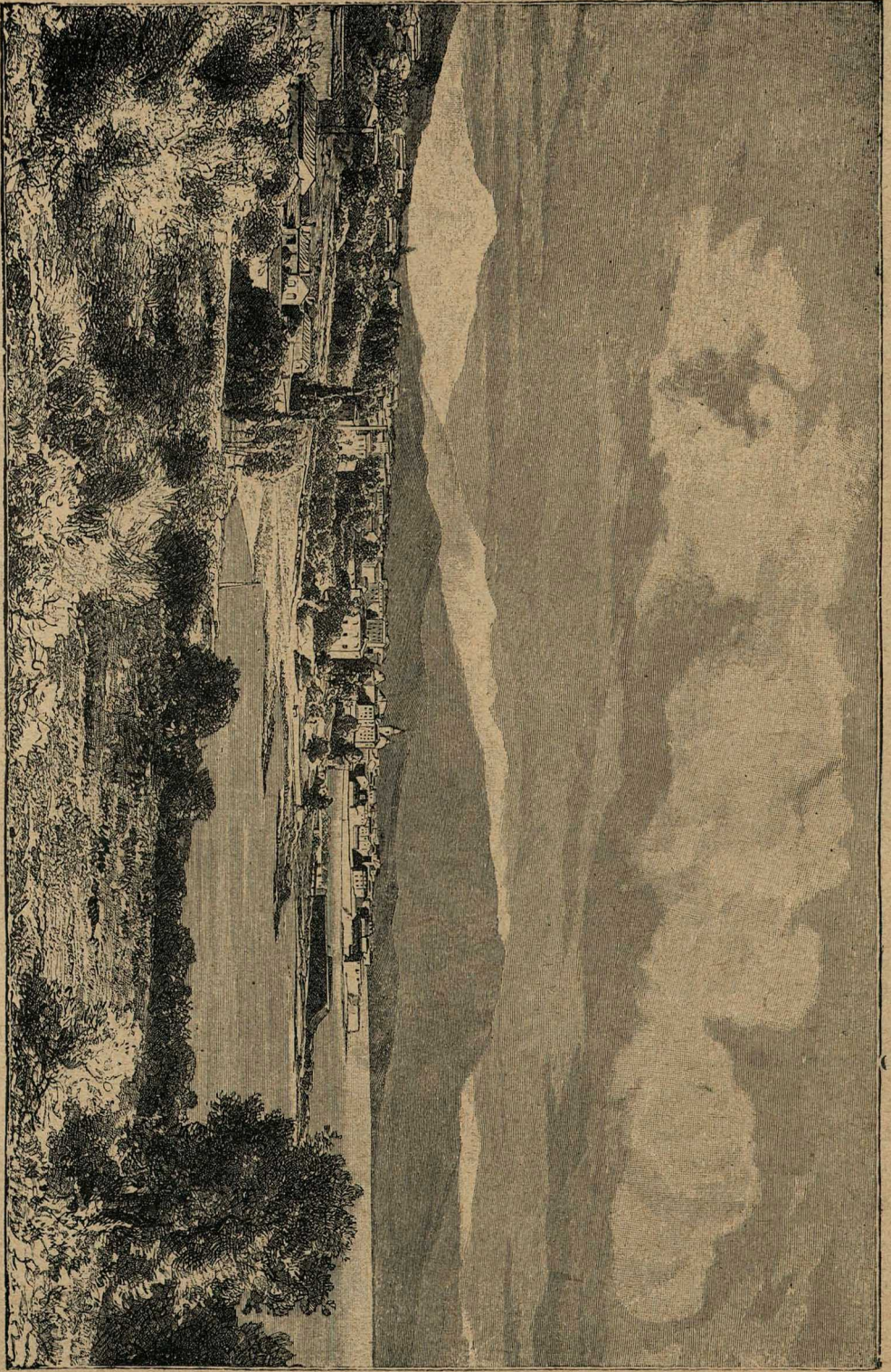
— Это земскій начальникъ!.. шепнулъ имъ Васька.— Онъ ѣдетъ судить жуликовъ и воровъ!

Наташа вздрогнула. Сердце ея наполнилось надеждой. Что, если она пожалуется этому господину на похитителя и попроситъ его приказать ему возвратитъ ей козу? И, набравшись храбрости, схвативъ Ваню за руку, она подбѣжала къ коляскѣ и залилась слезами.

— Ваше благородіе... Ваше благородіе... залепетала она.— Сдѣлайте такую милость!.. Выслушайте насъ!..

И она опустила на колѣни.

Земскій начальникъ нагнулся съ коляски и поднялъ ее.



Городъ Лаччио на острове Горсикъ въ Ливиніи.



На берегу моря.

— Что тебѣ, дѣвочка? спросилъ онъ. — О чемъ ты плачешь?

Она рассказала ему о своемъ горѣ. Онъ выслушалъ ее съ большимъ вниманіемъ и въ то-же время съ ласковой улыбкой и, когда лошади напились, приказалъ кучеру:—

— Въѣзжай къ Ефиму во дворъ!

Ефимъ понялъ, въ чемъ дѣло, и закланялся еще ниже.

— Подавай сюда козу! приказалъ ему земскій начальникъ.

— Она вретъ, ваше превосходительство!.. залепеталъ въ отвѣтъ Ефимъ. — Она требуетъ отъ меня какой-то козы, а всѣ мои козы черныя, тогда какъ ея коза — вся бѣлая. Не вѣрьте ей, батюшка-баринъ! Она все вретъ!

— Выгоняй сюда всѣхъ твоихъ козъ! распорядился земскій начальникъ.

Васютка тотчасъ-же подбѣжалъ къ хлѣву и распахнулъ въ немъ дверь. Обрадовавшись свободѣ, козы тотчасъ-же всѣ высыпали на дворъ.

— Вотъ она! Вотъ она наша Милка! обрадовались дѣти и бросились къ своей любимицѣ.

Но козочка была уже острижена и была вся чернаго цвѣта.

— Ихъ коза бѣлая! закричалъ въ свое оправданіе Ефимъ. — Не вѣрьте имъ, ваше превосходительство!

Земскій начальникъ смутился. Заявленіе дѣтей показалось ему

ложнымъ навѣтомъ. Но видя, какъ дѣти ласкали Милку и какъ и она сама радовалась имъ, онъ понялъ, что здѣсь что-то нечисто, и спросилъ:

— Чѣмъ-же вы, дѣти, докажете, что эта коза дѣйствительно ваша?

Этого только и нужно было дѣтямъ. Они обрадовались, отбѣжали съ Милкой къ сторонкѣ и стали показывать фокусы.

— Милка, умри! приказали они. Коза, какъ мертвая, повалилась на траву, и закрыла глаза.

— Милка, танцуй!

Коза вскочила на ноги, встала на заднія копытца и принялась танцовать. Земскій начальникъ и кучеръ помирали со смѣху.

— Милка, стань на рожки!

Милка стала на рожки и на переднія копытца и подняла заднія ноги вверхъ.

— А теперь поклонись барину.

Коза подошла близко къ экипажу и отвѣсила передъ земскимъ начальникомъ низкій поклонъ.

— Ну, Ефимъ, обратился земскій начальникъ къ богатому мужику, -- что ты на это скажешь?

Ефимъ стоялъ, понутивъ голову, и молчалъ.

— Если-бы эти дѣти, продолжалъ земскій начальникъ, пожаловались мнѣ на тебя, какъ на вора, то я засудилъ-бы тебя и посадилъ-бы тебя въ тюрьму. Но имъ этого, не нужно. Они не такъ жестоки, какъ ты. Пусть это послужитъ тебѣ уро-

комъ! А теперь изволь сейчасъ-же возвратить имъ козу и дать каждому изъ нихъ на одежду по пяти рублей!

Ефимъ почесался, досталъ бумажникъ, вынулъ изъ него двѣ пятирублевки и съ низкимъ, почтительнымъ поклономъ поднесъ ихъ къ земскому начальнику.

— Ну, а теперь, дѣти, садитесь ко мнѣ сюда, я отвезу васъ домой! сказалъ земскій начальникъ.

Ваня тотчасъ-же взобрался на козлы, Наташа и козочка прыгнули въ экипажъ, и кучеръ дернулъ за возжи.

— И меня! И меня! вдругъ послышался голосокъ.— Возьмите съ собою, Христа ради, и меня!

И мелкой рысцой Васька побѣжалъ рядомъ съ экипажемъ.

Его худоба, блѣдность, оборванная одежда и истомленный видъ говорили о томъ, что ему жилось

у Ефима не сладко и что его жизнь была не красна. Земскому начальнику стало его жаль.

— Возьмите и меня!.. жалобно умолялъ онъ и слезы блистали у него на глазахъ.

— А ты чей? крикнулъ ему земскій начальникъ.

— Я ничей, отвѣтилъ Васька.— Я—сирота!

Земскій начальникъ тронулъ кучера за плечо. Экипажъ остановился.

— Ну, влѣзай сюда и ты. Только скорѣе! скомандовалъ земскій начальникъ. Тебѣ найдется дѣло и у меня!

Васька улыбнулся во все лицо обрадовался и сталъ быстро-быстро взбираться на козлы.

Кучеръ дернулъ за вожжи, лошади побѣжали и еще долго слышно было, какъ заливался подъ дугою звонокъ.

Гномъ.



ГОЛОВОЛОМКИ.

• I.

Волку нужно перейти черезъ лѣсъ. Когда онъ вошелъ въ него и дошелъ до самой его середины, то что онъ сталъ дѣлать потомъ?

II.

Задуманы три слова, которыя означаютъ:

1) Маленькое насѣкомое.

2) То, что дѣйствуетъ посредствомъ пара.

3) Сѣтку, которую подвѣшиваютъ къ деревьямъ, чтобы въ ней полежать на воздухѣ.

Если отнять отъ этихъ словъ первые слоги, то должны получиться:

1) Отъ перваго—то, чѣмъ питаются маленькія дѣти.



Африканская деревушка.

2) Отъ второго — то, безъ чего не обходится колесо.

3) Растеніе.

Изъ первыхъ слоговъ задуманныхъ словъ должно составиться названіе того, что необходимо для каждой книги и для каждой рукописи.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

III.

Почему дымъ не летитъ противъ вѣтра?

IV.

Задуманы шесть словъ, означающихъ:

1) Насѣкомое, которое портитъ наши шерстяныя платья.

2) То, чѣмъ лудятъ мѣдную посуду.



Въ школу съ книжками и съ рукодѣлемъ.

3) То, что остается отъ сноповъ послѣ молотбы.

4) Домашнюю птицу.

5) То, безъ чего невыснима на землѣ никакая жизнь.

6) Большую птицу, гвѣздящуюся на Юго-Западѣ Россіи, на крышахъ.

Изъ первыхъ буквъ этихъ задуманныхъ словъ должно составить названіе большого города.

Какой это городъ? Какія слова задуманы?

V.

Изъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному только слову и составить изъ этихъ словъ фразу, которой начинается известная басня И. А. Крылова:

1) Пуля попала несчастной воронѣ прямо въ голову.

2) Гдѣ-то далеко свѣтился огонекъ.

3) Еще въ глубокой древности люди сознавали, что существуетъ только единый вѣчный Богъ.

4) Солдатъ послалъ матери письмо. Прочитавъ его, она прослезилась.

5) Дай мнѣ кусочекъ хлѣбца!

6) А не желаешь ли вмѣсто хлѣбца сыру?

VI.

Почему, когда наступаетъ зима, то приходится ѣздить не на колесахъ, а на саняхъ?

VII.

Загадка. Стоитъ мостъ на семь верстъ, а въ концѣ моста — золотая верста. Что это такое?

VIII. (Шарада).

По *первому* мы ходимъ въ башмакахъ,

Его мы красимъ, моемъ и коврами
Стараемся укрыть на тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ намъ приходится ступать ногами.

Вторые — жъ два — найдете вы въ рѣкахъ,

Особенно въ прудахъ, заросшихъ камышами.

Они совсѣмъ — какъ черная земля.
А *вмѣстѣ все* — есть часть рубля.

Что это?

Шарада ждетъ отвѣта.

IX.

Дѣти только что проснулись и лежали въ кроваткахъ. Вдругъ на дворѣ послышался визгъ ихъ собачки. Оказалось, что кто-то бросилъ въ нее камень. Они испугались, соскочили съ кроватокъ и въ однѣхъ рубашкахъ подбѣжали къ окну. Почему именно они подбѣжали къ окну въ однѣхъ рубашкахъ?

X.

Два отца и два сына купили каждый по одному арбузу.

Сколько всего арбузовъ они купили?



Рышніе рбуса № 5, помѣщеннаго въ № 5 «Золотого Дѣтства».

Д+оса+дно+е+слива+м+не+уда+лось+ве+село+п+разъ+дно+вать+рожь+д+ество
=Досадно, если вамъ не удалось весело праздновать Рождество.

Вприняі рѣшенія прислали: Коля Александровъ, Буби Вагнеръ, Люля, Таня, Сережа и Котикъ Андреевскіе, Шурочка Иванова, Романъ Гавриловъ, Кто-то безъ подписи, Сережа Цепелевъ, Юра Смирновъ, Леша Кубецкій, Оля Славковичъ, Володя и Витя Шурыгины, Георгій Огаревъ, Эрикъ и Мара Берездсонъ, Нелли Клеммъ, Нюра Высоцкая, М. Турская, Боря, Соня и Броня Гиршевичъ, Юля, Люда и Маня Шнейдеръ, Адочка Сканава, Анни и Эрихъ Радазевскіе, Дага и Адя Гиссеръ, Коля Довгай, Таня Константинова, Александръ Нелидовъ, Сима Ушакова, Лина и Петрикъ Бомейко, Вероника Агапова, Вас. Вас. Григорьевъ, Шура, Лида и Вѣра Молокъ, Коля Сироткинъ и Коля Грейпардтъ, Эрна Бейлингъ, Маруся Аннинская, Татіана Смольская, Жюня Новицкій, Станиславъ Маркевичъ, Люя Ильина, Борикъ Клецкій, Дилидроша и Лимпони, Вася Крыловъ, Валя и Жюня Лебедевы, Вождь пидѣйцевъ и Золотая рыбка изъ Свеаборга, Андрияша Фростъ, Игорь, Маргарита и

Тусикъ Владиміровы, Боря Голубковъ, Валя Кутацовъ, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Володя и Боря Чикильдины, Костя и Чижикъ Сливичкіе, Соня Никитина, Коля Баскаковъ, Кузнечикъ, Галя Станкевичъ, Валя Вильчинская, Маруся Аннинская, Оля и Вѣра Андреевы изъ Новгорода, Шура Аксенова, Зиночка Протопопова, Тася Долганова изъ Новгорода, Боря Развадовскій, Владиміръ Якушевскій, Шурикъ Хлѣбниковъ, Коля и Тина фонъ-Бергъ, Боря Ивановъ, Нина Домбровская, Ната Палеологъ, Мушка и Чернушка изъ Рыбинска, Нада и Коля Милутины, Дилли Грейфе, Ася и Леля Яковлевы и Лиза Шеницына, Александръ, Вильгельмъ, Евгений и Эльза Михаловскіе, Николай Романовичъ, Галя и Людпкъ Красные, Бесикъ и Ираклій Мирзаевы изъ Шулаверъ, Боря Мотылевъ, Валя Кислый, Валя Шавердовъ, Нада Карташева, Рая и Лиза Безстужевы, Соня Африканова, Тамара Смоленецъ, Коля Бобковъ, Леля и Коля Масленниковы, Мальчики Германовы, Таня Бевадъ, Нина Иванова изъ Тамбова, Толя Смольянинова, Жюня Кравцовъ, Коля, Леля и Толя Агеносовы, Борисъ Оедотовъ, Андрияша Архангельскій, Б. Рентель, Зоя и Люда Барсаевы, Коля Флоровъ, Шура Засенко, Игорь Леонтовичъ, Ядя Черни, Сергій Дудкевичъ, Галочка Тулубева, Раиса Лопухъ, Соня Кошелева, Боря Алекъ. (Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

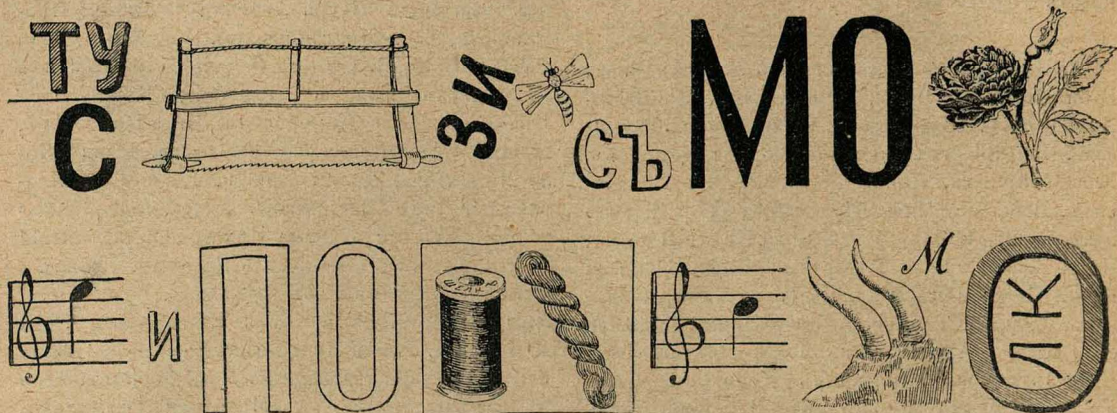
„ДРУЖОКЪ и ОМКА“ • Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 к., съ перес. 55 к.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ • Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 65 к.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи
ЖУРНАЛА „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 26.

Ребусъ № 7.



(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей



«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета по 65 коп.).

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ ПЕТЕРБУРГА.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“
рекомендуетъ слѣдующія книги
для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ И ТОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп., съ пересылкой 55 коп.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 26.